

“НАРОДНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ”: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

© 2009 Р.С. Хакимов

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

Поступила в редакцию 30.04.2009

В России форма государственного устройства страны не была результатом навязывания какой-либо доктрины, она вытекала из естественной ситуации этнического, географического, экономического многообразия территории. Источником российского права служит многонациональный народ, причем, народность несет двойной смысл – общенациональный в западном смысле этого слова и народность в этническом аспекте. Конституция РФ принималась от имени “многонационального народа”. Форму, которую приобретает российская государственность, можно назвать “народным федерализмом”.

Ключевые слова: факторы федерализации; типы и формы федераций; особенности российского федерализма; народ как источник права.

История формирования федеративных отношений в каждой стране имеет свои особенности. Последние десятилетия в России обсуждался вопрос о симметричных и асимметричных федерациях, подлинной и псевдофедерации, выдвигались концепции “новой”, “демократической”, “многоуровневой”, “этнической”, “евразийской” федераций. Слышались голоса, требовавшие отказа от федерализма, причем апеллировали к прошлому, называли федерализм искусственным изобретением большевиков и т.д.

Федерализм в России имеет свою историю, правда, весьма противоречивую. Не случайно сегодня он закреплен в Конституции. В связи с переходом к демократии и рыночным отношениям возникла новая ситуация, которая непосредственно влияет на государственное устройство и требует обновления федерализма. Президент Д.А. Медведев весьма определенно заявил о неизменности основных положений Конституции, приверженности демократии и федерализму, необходимости оптимизации разграничения полномочий и структур управления. “Фундаментально значимым для нашего общества стало введение института местного самоуправления и укрепление федеративных начал государства, – заявил он. – Вы знаете: государственная политика в этих вопросах во многом осуществлялась путём “проб и ошибок” – с учётом опыта других государств и сложившихся в мире форм федерализма. Но ведь такой многосубъектной, многонациональной и многоконфессиональной федерации, как Россия, в мире больше не существует. Поэтому то, что мы сегодня делаем, делаем действительно впервые”¹. Для выяснения природы российского федерализма важно знать причины появления подобных государств.

Выявление особенностей России, национальных идей, собственного пути развития породил ряд научных исследований, которые касаются форм федерализма. Появились такие термины, как “новая”, “демократическая”, “бюрократическая” федерация (С. Шахрай, С. Митрохин, А. Казаков, Н. Петров)², активно обсуждается проблема “асимметричной федерации” в мировой практике и применительно к России (Л. Дробижева, И. Умнова, Н. Ермакова, Ш. Ягудин)³, ряд зарубежных исследователей дали критический анализ российского федерализма с точки зрения международного опыта (Гейл Липидус, Донна Бари, Александр Бланкенагель, Филипп Хэнсон, Омар Энкарнасьон, Мари Мендрас, Ричард Саква, Томас Ремингтон)⁴. Тема “этнического федерализма” присутствует во многих работах, как позитивной, так и в негативной оценке (В.А. Тишков, В.Р. Филиппов, Э.А. Паин)⁵, несколько особняком стоит позиция А. Дугина о “евразийском федерализме”⁶.

Переход к условиям демократии и рынку составляет в гораздо большей степени, нежели до этого, считаться с многообразием страны. Масштабы страны перестают быть преимуществом России и становятся серьезным недостатком. Россия теперь должна жить в условиях уменьшающихся ресурсов, худших условий выхода к морям, но практически при тех же по протяженности границах, которые надо содержать и охранять. У страны для возврата к унитарному государству практически не осталось ресурсов, ни в экономическом, ни в политическом смысле.

Учитывая всю непростую историю, территориальную и этническую структуру общества, можно утверждать, что базой российской государственности была и остается “народность”, независимо от формы правления – монархия, тоталитарная система, республика. Поэтому в

Хакимов Рафаэль Сибгатович, кандидат исторических наук, директор. E-mail: kpi07@mail.ru.

России, избравшей путь федеративного развития как единственно приемлемый на этом историческом отрезке времени, эффективное государство будет именно народным. Причем народность в данном случае несет двойной смысл – общенациональный в западном смысле этого слова и народный в этническом аспекте. Конституция РФ принималась от имени “многонационального народа”. Это понятие не совсем совпадает с западной терминологией, но адекватно отражает суть российского пути развития. Поэтому формулу, которую приобретает российская государственность, можно назвать “народным федерализмом”.

Основные мотивы появления федеративных государств лежат в сфере истории, политики, культуры, религии, этнической или лингвистической принадлежности, но в качестве причины могут выступать и чисто экономические потребности или же стремление к большей безопасности, поскольку более мощное государство, объединяющее в союз небольшие государства, лучше защищает свои составные части. В момент создания США один из “отцов-основателей” нового государства Мэдисон писал: “Мы показали, что Союз – это наш оплот против иноземной опасности, учредитель мира в нашей собственной среде, охранитель нашей торговли и других общих интересов, единственная альтернатива военным учреждениям, подорвавшим свободы в Старом Свете, и действенное лекарство против болезни партийной розни, которая в прошлом принесла гибель народоправию в других странах, а в последнее время начала выказывать тревожные симптомы и у нас”⁷. Соединенные Штаты исходили из потребности укрепления демократических и республиканских начал, при этом в основу положили принцип “плавильного котла”, т.е. все этносы и языки должны были исчезнуть в едином американском народе, а религия была жестко отделена от государства.

Для США важнейшим фактором федерализации стали масштабы страны. Один из лучших знатоков американского общества Алексис де Токвиль писал еще в XIX в.: “Именно для того, чтобы соединить воедино те преимущества, которыми обладают как большие, так и маленькие страны, и была создана федеративная система... В крупных странах с централизованной властью законодатель вынужден придавать законам единообразный характер, который не отражает разнообразия местных условий и обычаев: не будучи осведомлен в частности, он может исходить лишь из самых общих правил. В этих обстоятельствах людям приходится по необходимости приспособляться к законам, потому что сами законы совершенно не учитывают потребностей и обычаев людей, что является важной причиной

беспорядков и всяческих неприятностей. Подобных несуразниц не существует в странах с федеративным устройством: конгресс принимает основные законы, регулирующие жизнь общества, а местные законодатели занимаются ею в деталях”⁸. Общество индивидов, объединенных интересами совместного проживания, стало основой для государственного устройства США.

Другой принцип формирования федерализма заложен в основание Швейцарии, чья модель жестко привязана к этническому, религиозному и лингвистическому разнообразию страны. Поэтому там функционируют четыре государственных языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский, хотя доминируют немецкоязычные кантоны, а итальянский кантон всего лишь один⁹.

Пример со Швейцарией показывает, что при сложной этноконфессиональной структуре общества даже маленькие государства образуют федерации. Швейцария по размерам территории похожа на Татарстан, но имеет федеративное устройство для лучшего удовлетворения культурных и религиозных потребностей населения. Случай со Швейцарией хорошо изучен и освещен в литературе. Можно было бы не останавливаться на этом примере, но есть очень принципиальный момент, важный для теории федерализма – в полиэтническом и поликонфессиональном обществе эффективен принцип “единства многообразия”. В Конституции Швейцарии он формулируется следующим образом: “Швейцарский народ и кантоны, ... желая жить в единстве, во взаимном уважении и при сохранении многообразия...”¹⁰. Эта формула стала одним из принципов устройства Европейского Союза, что подтверждает ее значимость для всех государств Европы.

Швейцарский федерализм – это не коррекция или дополнение к основополагающей структуре национального правления, а структурный принцип демократии, построенной на согласии. Здесь демократия включена в качестве элемента в федеральную структуру, что необходимо для защиты интересов организованных меньшинств внутри многокультурного общества.

Если какие-то общности проживают достаточно компактно, тогда их проблемы можно решить путем территориального федерализма. Если же на одной территории проживают несколько этнических или религиозных групп с ярко выраженной политической волей, тогда дело осложняется и требует создания дополнительных экстерриториальных структур. Так произошло в Бельгии.

Преобразование Бельгии в федеративное государство началось в 1970 г. путем создания трех регионов (Фландрия, Валлония и Брюссель) и трех сообществ (французского, нидерландского и немецкого) в качестве субъектов. Кроме того,

в соответствии со ст.4 Конституции “Бельгия состоит из четырех лингвистических регионов: регион французского языка, регион нидерландского языка, двуязычный регион Брюссель-столица и регион немецкого языка”¹¹. Основной причиной федерализации Бельгии послужило языковое разнообразие, имеющее глубокие исторические корни. Языковая граница между нидерландоязычными и франкоязычными бельгийцами, а также небольшой группой немецкоязычного населения привела к созданию смешанной системы федерализма, основанной одновременно на территориальном и этническом принципе*. Это довольно запутанный институциональный клубок, в котором, кроме двух типов субъектов, происходит еще наложение некоторых территориальных и лингвистических субъектов**. “Однако, – как считает Николя Лагасс, – этот институциональный “монстр”, со всеми его противоречиями и недостатками, обеспечивает мирное сосуществование трех языковых и трех культурных сообществ, несмотря на часто противоречивые и напряженные отношения между двумя большими сообществами, коими являются фламандское и французское сообщества”¹².

Бельгию отличает асимметрия, под которой понимается отсутствие единообразия в правилах, которыми определяются организация и компетенция федеративных единиц одного типа (региональный тип или тип сообществ). В литературе нередко асимметрия рассматривается как некая аномалия, но в случае с Бельгией это стало способом сохранения единого государства. Жоомарт Ормонбеков пишет: “Несомненно, имеется много “за” и “против” в споре о целесообразности существования федеративной государственной системы, но для Бельгии это был единственный способ выжить как государству”¹³. Сегодня реформы в Бельгии продолжают в направлении расширения прав субъектов не столько в соответствии с какой-либо заранее предложенной концепцией, сколько следуя логике прагматических решений.

Своеобразной была ситуация в побежденной Германии. Союзники из антигитлеровской коалиции были озабочены возможностью восстановления тоталитарного режима. “В этой связи федеративный принцип воспринимался как многообещающая возможность предотвратить аккумуляцию власти и злоупотребление ею”¹⁴.

* Причиной такого смешения двух принципов стало то, что в рамках одного государства встречается сосуществование французского и фламандского сообществ на одной территории (например, в регионе Брюсселя). Культурные требования удовлетворяют Сообщества, не связанные с территорией, а требования экономической автономии обеспечивает территория, независимо от языковой принадлежности.

** Например, общие фламандские институты управления осуществляют компетенцию Региона Фландрия.

Разработанная система федерализма оказалась не только стабильной, но и содействовала становлению демократии, а также быстрому экономическому росту Германии.

Помимо вышеназванных способов, формирование федеративных государств также происходило путем завоеваний или покупки территорий.

Россия сочетает в себе как обширную территорию, наподобие США, так и этноконфессиональное многообразие, как в Швейцарии. Кроме того, следует добавить разнообразие климатическое – от субтропиков на Юге до тундры на Севере, географическое – от Калининграда до Дальнего Востока, причем с такой громадной протяженностью границ, что создает особую ситуацию, которой не существует даже в США или Австралии. Наконец, в Российской Федерации приходится считаться с экономическим разнообразием регионов.

Немаловажный фактор в становлении Российской державы – это завоевания. Причем, как пишет виднейший американский теоретик федерализма Даниель Элазар, “необходимо понимать, ради включения в эту категорию не только ее прямых проявлений, как установление завоевателем контроля над землей или населением, и, дополнительно, как революционный захват уже существующего государства, государственный переворот, или даже как предпринимательство, ориентированное на захват рынков и контролирование общих ресурсов. Завоевание имеет тенденцию порождать иерархически организованные управляющие режимы авторитарного типа; пирамиду власти с завоевателем на вершине, его агенты находятся на промежуточных уровнях, а люди в самом низу всей структуры”¹⁵. Любое завоевание использует силу как важнейший фактор, а потому склонно устанавливать унитарную форму государства.

Для российского случая никакая из существующих моделей федерализма не может быть скопирована, но есть некоторые фундаментальные основы общественного развития, без которых невозможно понять тенденции государственных реформ. Отцы-основатели США исходили из утверждения, что государства включают прежде всего индивидуумов. Там по-другому и быть не могло, ибо сама страна складывалась из эмигрантов, не имевших на новом континенте этнических корней. В Европе все было иначе, сильная идентичность привязывала к определенной территории и культуре. Можно эти варианты оценивать по-разному. В первом случае легче было установить демократические процедуры, во втором инерция монархических режимов тормозила общественное переустройство. Но в обоих случаях это возникало естественно-историческим образом, а не стало результатом насаждения теоретических рассуждений. Любая доктрина

может лишь предлагать возможные решения вопроса о форме государственного устройства, но она не может выйти за рамки базовых принципов политической культуры. Никакая общественная сила не может в корне изменить общество даже с помощью революции. Октябрьская революция при всей своей радикальности оказалась наследницей российской культуры, привязанной к культуре народов и территорий. Она не могла перенести принципы американские или швейцарские на собственную почву. Идея американского “плавильного котла” применительно к России, что предлагали некоторые политики, – из области прожектерства, не имеющего ничего общего с историческими реалиями.

Немало исследователей, утверждающих однозначно жесткое мнение о природе России как чисто централизованного унитарного государства. С. Никонов пишет: “Сегодня нередки споры об исторических корнях российского федерализма. Иногда их усматривают уже в процессе объединения княжеств, земель, царств и ханств в те далекие времена, когда складывалось Государство Российское. Этот процесс шел разными путями, были и добровольные союзы, и спасительные присоединения, но не исключались и завоевательные походы... Однако Россия – и это хотелось бы подчеркнуть – создавалась и развивалась как централизованное унитарное государство. Чем более крепла царская власть, тем четче идеи единой и неделимой России принимали государственные формы”¹⁶. неделимость не является тождественной унитаризму, а федеративные государства далеко не всегда предполагают право выхода субъектов из своего состава. Не случайно в ряде современных исследований обсуждаются особенности складывания отношений царской власти с Польшей, Финляндией, Северным Кавказом, Туркестаном, которые выходили за рамки жесткого унитаризма. Если Финляндия имела собственную валюту и пользовалась в парламенте финским языком, то это означало присутствие элементов федерализма. Конечно, некоторые исследователи говорят об ограниченной самостоятельности, самобытности ряда регионов, сохранении исконных традиций некоторых народов. Можно по-разному выражать свое мнение, но с точки зрения теории федерализма налицо явное присутствие элементов автономии, причем в некоторых случаях довольно значительной. Единовластие монарха не исключает федерализации государства, что ярко демонстрирует Бельгия и Испания.

Действительно, во второй половине XIX в. на окраинах империи проявилась тенденция к введению прямых форм управления, игнорированию местной специфики и традиций. В 1876 г. было упразднено Кокандское ханство, но Средняя Азия

в целом осталась вне губернской системы управления. При Александре III политика веротерпимости и покровительства малым народностям подверглась пересмотру, начался планомерный переход к русификации окраин империи. Николай II в этом отношении пошел еще дальше. Русификация в начале XX в. сочеталась с колонизацией славянским элементом приграничных областей страны в рамках аграрной реформы П.А.Столыпина. Подобная политика, наряду с объективными процессами роста национального самосознания отдельных народов империи, приводила к обострению межнациональных отношений.

В конце XIX – начале XX в. вопрос устройства России обсуждался в Государственной думе, появилось немало публикаций по проблемам автономии и федерации. При некоторых различиях в аргументации в целом преобладала идея перехода к федеративной форме государственного устройства и создания в его рамках областных и национальных автономий. В первой Государственной думе даже сложился блок автономистов, включавший в себя 70 депутатов – поляков, латышей, литовцев, украинцев, мусульман. Однако царская Россия не воспринимала эти идеи. Царская власть была не способна внедрить в государственное строительство элементы федерализма в увязке с национальным вопросом, что существенно повлияло на ход событий во время революции 1917 г.

Следует заметить, что большевики далеко не сразу поняли необходимость и неизбежность для России федерализма. В.И.Ленин вначале выступал за централизованное унитарное государство с возможностью образования автономий. Только прибыв в Россию и изучив обстановку изнутри, он понял, что империя фактически распалась, потеряла управляемость и, чтобы ее собрать заново, нужно дать народам право на самоопределение. Он рассматривал федерализм как способ решения национального вопроса и, естественно, как элемент революционной тактики.

Россия строилась на идеологии расширения своей территории, и вся ее предыдущая история проходила под знаменем завоевания и присоединения новых земель. Впервые эта стратегическая линия была нарушена в ходе революции 1918 г., когда от Российской империи отделились Польша, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония, а также территория западной Украины и часть Молдавии. Советская Россия сумела приостановить процесс расползания государства, провозгласив создание федерации. Лозунги “красных” о национально-освободительном движении народов оказались более привлекательными, нежели “белое” знамя “единой и неделимой” державы. В результате начал складываться Союз, и тер-

ритория бывшей Российской империи к 1939 г. почти полностью восстановилась.

Природа Советской России как государства, несмотря на социалистический режим, сохранила многие качественные характеристики Российской империи, а степень централизации была доведена до предела. Советский Союз, конечно, видоизменил отношения, существовавшие в Российской империи, где четко выделялась метрополия в лице центральной России и провинции, находившиеся на положении колониальных или полуколониальных окраин. В СССР союзные республики стали формально равными, но доминирующее положение центра, русского языка и совпадение структур РСФСР с центральными органами означало фактическое сохранение элементов отношений метрополия/провинция. Несмотря на принятие Конституции федеративного характера, на практике Советский Союз был одним из самых унитарных государств мира с жестким авторитарным режимом управления.

После распада СССР «новая Россия» оказалась в границах допетровского времени. Уменьшение территории государства – фактор не количественный, а качественный. Практически изменились все параметры, влияющие на большую политику. Резко уменьшился экономический и демографический потенциал. Экономика страны стала более затратной из-за отпадения юга. Климат государства стал более суровым, а проблемы коммуникации (протяженность, влияние тарифов на экономику и др.) при этом остались практически те же. Положение России на Каспийском, Черном и Балтийском морях кардинально изменилось и перестало быть ключевым, что повлияло не только на экономику, но и на внешнюю политику. Но самое главное – изменились ценностные ориентации: Россия вынуждена была перейти от идеологии расширения территории к ее обустройству, т.е. к интенсивной культуре воспроизводства экономики. Вместе с этим старая схема отношений метрополия/провинция меняется на схему центр/субъекты, что требует выработки нового мышления и иной культуры управления.

Сегодня меры, предпринимаемые президентом РФ Д.А.Медведевым по оптимизации структуры управления и разграничению полномочий между центром и субъектами, весьма оправданы и своевременны. Создается впечатление, что развитие федеративных отношений вступает в стадию стабильности. Страна прошла сложный путь, что стало неотъемлемой частью общественной жизни. Истоки будущих государственных преобразований лежат не в политической элите или партийных пристрастиях, предлагающих абстрактные концепции, а в логике общественного развития как исторического организма: иначе го-

воря, источник права один - многонациональный народ, как записано в Конституции РФ. Важно подчеркнуть этническое многообразие российского федерализма. Совершенно верно отметил Д.А.Медведев в своем Послании Федеральному Собранию: «И, наконец, ещё один фактор, способный серьёзно упрочить нашу Федерацию, – это поддержка национальных традиций и культур народов России. Считаю это не только условием укрепления федеративных основ, но и условием согласия в нашем обществе, единства российской нации – как залога стабильного, цивилизованного развития всей страны»¹⁷. Это важнейший фактор успешной трансформации России в демократическое государство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Ежегодное послание Президента Российской Федерации Д.А.Медведева Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 6 ноября 2008 г.
- ² *Лысенко В.* Новый федерализм // Панорама-форум. - Казань, 1995. - С.24-33; *Столяров М.В.* Федерализм и державность: российский вариант. - М., 2001. - С.320; *Черепанов В.А.* Федеративная реформа в России. - М., 2007. - С.320; *Мириханов Н.М.* Федерализм, этничность, государственность: новый курс российской власти. - М., 2002. - С. 351; *Мухаметшин Ф.Х., Исаев Г.А.* Региональный политический процесс в федеративном и социологическом измерениях. - Казань, 2002. - С.152; *Петров Н.* Федерализм по-русски // Pro et contra – Том 5, № 1, Зима, 2000 - С.7-33; *Митрохин С.* Перспективы развития России по пути к «бюрократическому федерализму» // Казанский федералист. - Казань, № 1, зима, 2002. - С.12-16; *Шахрай С.* Три модели. Современные реалии федеративного развития России // Стратегия России. - № 8, август, 2005. - С.19-24.
- ³ *Дробжижева Л.* Проблемы ассиметричной федерации в глазах элиты и масс // Федерализм в России... - С.322-355; *Умнова И., Ермакова Н.* Исторический и современный опыт ассиметрии государственного устройства в России // Федерализм в России...С. 295-304; Ассиметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. - М., 1998. - С.204.
- ⁴ *Мендрас М.* Как региональные элиты защищают свою власть // Pro et contra. - М., Том 5, № 1, Зима, 2000. - С.63-79; *Гейл В. Латидус.* Трансформация национального вопроса: новые подходы к национализму, федерализму и суверенитету // Федерализм: российское и международное измерения... С.154-164; *Бланкенегаль А.* Россия – многоуровневая федерация // Федерализм в России... С. 49-55; *Бари Д.* Новый федерализм и парадоксы регионального суверенитета в России // Федерализм: российское и международное измерения... - С.174-199; *Карабашкин А., Шкундин М.* «Плавильный тигель» и вызов глобализации // Россия в глобальной политике. Т.2, № 6, ноябрь-декабрь, 2004. - С.64-78; *Богатуров А.* Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике Т.2, № 6, ноябрь-декабрь, 2004.-С.80-97; *Кёттер М.* Модернизация федеративных отношений в Федеративной Республике Германия // Сравнительное Конституционное Обозрение. №2 (51), 2005. - С. 109-114; *Хэнсон Ф.* Федерализм с российским лицом: региональное неравенство, административные

- функции и региональные бюджеты в России // Сравнительное Конституционное Обозрение. №2 (51), 2005. - С. 115-127; *Саева Р.* Российский федерализм на перепутье // Сравнительное Конституционное Обозрение. №3 (52), 2005. - С. 173-182; *Бёрджесс М., Гресс, Ф.* Федерализм и федерация: государство порядка // Сравнительное Конституционное Обозрение. № 2 (51), 2005. - С. 102-108; *Люджи Мелика.* Латиноамериканский федерализм // Сравнительное Конституционное Обозрение. № 4 (53), 2005. - С. 129-149; *Гомар Т.* Парадокс непостоянства // Россия в глобальной политике. Т.4, № 3, май-июнь, 2006. - С.62-72; *Энкарнасьон О.* Революция компромиссов. Испанский урок для России // Россия в глобальной политике. Т.4, № 3, май-июнь, 2006. - С.72-85; *Языкова А.* Практика федерализма: международный опыт // Вестник аналитики. 3 4, 2006. - С.53-69.; *Эллиот М.* Великобритания: суверенитет парламента под угрозой // Сравнительное Конституционное Обозрение. №1 (54), 2006.- С. 15- 20.
- ⁵ *Тишков В.* Pro et contra этнического федерализма в России // Федерализм в России... - С. 23-38, *Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. - М., 2003. - С.379.
- ⁶ *Дугин А.* “Евразийский федерализм” в современной России // Главная тема. - М., ноябрь, 2004. - С.86-103.
- ⁷ *Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. - Вермонт, 1990. - С. 78.*
- ⁸ *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. - М., 1992. - С.136.
- ⁹ *Фляйнер, Т.* Швейцария: Конституция федеративного государства и Кантонов // Федерализм: российское и международное измерения. - Казань, 2004. - С.65-98.
- ¹⁰ Конституция Швейцарской Конфедерации. - М., 2001. - С. 22. Следует заметить, что термин “Конфедерация” является чисто историческим, и его надо воспринимать как имя собственное. В тексте Конституции речь идет о федеративном устройстве. Например, раздел 5 называется “Федеральные органы власти”. Соответственно органы власти называются “Федеральное собрание”, “Федеральный совет и органы исполнительной власти”, “Федеральный суд”. Раздел 6 называется “Пересмотр Федеральной Конституции и переходные постановления”. Таким образом, Швейцария является классическим образцом федерации с полиэтничным и поликонфессиональным населением.
- ¹¹ Конституции государств Европы. - М., 2001. - С. 341.
- ¹² *Лагасс Н.* Бельгийский опыт: пример федерализма путем разъединения. Практический анализ институциональной эволюции бельгийского государства // Федерализм: российское и международное измерения. - Казань, 2004. - С. 583-605.
- ¹³ *Ормонбеков Ж.* Бельгийская модель федерализма: особенности и перспективы // Федерализм: российское и международное измерения... - С. 625.
- ¹⁴ *Васильев В.И.* Германский федерализм: проблемы развития. - М., 2000. - С. 133.
- ¹⁵ *Элазар Д. Дж.* Европейское сообщество: между государственным суверенитетом и субсидиарностью или Иерархия против коллегиальности в управлении Европейским сообществом // Казанский федералист. - Казань, №4, осень, 2002. - С. 59.
- ¹⁶ *Никонов С.* Общее и особенное во взаимоотношениях центра с губерниями и другими территориями в России (конец XIX – начало XX в.) // Политико-правовые ресурсы федерализма в России. - Казань, 2006. - С.24.
- ¹⁷ Российская газета. 6 ноября, 2008 г.

“PEOPLE’S FEDERALISM”: PROBLEM STATEMENT

© 2009 R.S. Khakimov

Institute of History named after Sh. Mardgani,
the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan

The form of government in Russia was not the result of intrusion of any doctrine but a natural result of the country’s ethnic, geographical and economical diversity. The “multinational people” is a source of the Russian law. The term “nation” is used with a double meaning: as a citizens of a nation (state), in the western interpretation of this term, and in the ethnic aspect. The Russian Constitution was adopted on behalf of the “multinational people of the Russian Federation” and the form of the Russian statehood may be called “People’s Federalism”.

Key words: factors of federalization, models and forms of federation, special features of Russian federalism, people as a source of law.